

Лидия Георгиевна Сухова:

Как началась война? Это не забыть - никогда... Мы на даче под Ленинградом. Жаркий летний день. Мама надела на меня светлое платьице: «Иди, погуляй, но не пачкайся. Будем сегодня папу встречать, папа приедет». Только потом, уже повзрослев, я стала наводить справки о своём прошлом, и узнала, что мой отец был военным, и в июне 1941-го находился в авиационной воинской части в Гатчине...

Ну, а в тот день я выбежала из дома во двор – играть с цыплятами. И в это время сзади раздался неприятный свист и ... взрыв! Мама погибла.... А меня ранило в левое бедро и взрывной волной отбросило на дорогу.

Наши уже отступали к Ленинграду, и по дороге ехала военная грузовая машина. Солдаты подобрали меня. Помню, как один из них держал меня в кузове на вытянутых руках. Сначала мы приехали в город Пушкин. 19 сентября – сохранилась архивная справка об этом - меня перевезли в Ленинград, а 21 сентября я оказалась в детской больнице имени К.А. Раухфуса, где пролежала почти девять месяцев из-за ранения. В мае 1942 года меня направили в 93-й ленинградский детский дом младшего возраста. Через месяц он эвакуировался в Юрьевецкий район Ивановской области.

Нас было 42 человека - малышей по 4-5 лет. Плыли по Ладоге на барже. В памяти осталась бомбежка – как самолеты появлялись, так детям говорили: «Ложитесь!» И мы ложились...

Когда же мы уже по Волге приплыли на место и нас стали спускать на землю, я увидела с левой стороны от причала местных жителей, в основном, женщин. Их к нам не подпускали. А с правой стороны отдельно стояли три человека – два военных и гражданский. Как потом узнала, это были секретарь райкома, начальник МВД и начальник КГБ. Они пришли встретить первую баржу с маленькими ленинградскими блокадниками. Я рассмотрела одного из военных, и с криком «папа!» вырвалась из чьих-то рук и побежала к нему. Видимо, он мне напомнил отца.... Этот военный – начальник Юрьевецкого МВД - взял на руки, прижал к себе и спросил, как меня зовут. Я плакала, обнимала его, а он меня успокаивал. Когда к нам подошла воспитательница, он меня погладил, поставил на землю и сказал: «Не плачь, дочка, я к тебе приду, найду тебя». И, действительно, после этого он часто приезжал в наш детдом... Я по-прежнему называла его папой. Вскоре он начал оформлять удочерение. А однажды папа приехал ко мне не один, а вместе с женщиной и мальчиком-подростком - моими будущими мамой и

братом Юрой. Юре тогда было лет 15-16. Женщина сразу направилась ко мне, но я её сначала не очень приняла - маму свою помнила... Потом они уехали. А 26 декабря папа и Юра забрали меня домой. Помню, как Юра держал меня за рукав на заднем сиденье, а папа сидел впереди рядом с шофером и говорил: «Тебя дома мама ждет, няня ждет. Ты придешь и скажешь: «Здравствуй, мама». Мы с братом спустя много лет это вспоминали. Родители жили на втором этаже, и папа нес меня туда на руках. Я слабенькая была. Он открыл дверь, а там так тепло! И когда мы зашли, папа меня поставил на пол, а мама, которая стояла в глубине комнаты, не подошла ко мне сразу, а только смотрела. И брат сказал: «Вот мама. Поздоровайся с ней». А я к нему прижалась и чувствую, что это не моя мама. Брат настаивал: «Ну, поздоровайся. Мама сейчас тебя разденет, помоеет». Хороший у меня брат был. И я каким-то простуженным голосом, как мне потом рассказывали, произнесла: «Здравствуй, мама»...

К вечеру пришел фельдшер – пожилой мужчина. Его фамилия была Сорокин. Я хорошо её запомнила, потому что папа позже, перед уходом на фронт, отдал ему на хранение свою шикарную библиотеку. Фельдшер обещал её сберечь, кто бы ни приехал за ней – внуки, правнуки. У меня был фурункулез, и Сорокин меня лечил. Помню, как топили русскую печку. Мама садилась напротив. Фельдшер приходил каждый день и мазал меня мазью Вишневского. Я сама фармацевт, и этот запах – очень резкий и неприятный - запомнила на всю жизнь. Меня вылечили, откормили. И я стала забывать страшное прошлое...